

МАРКИЗЕТ

НАДЕЖДА
ГУСЕВА

16+

Надежда Валентиновна Гусева

Маркизет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39490212

SelfPub; 2018

Аннотация

О любви – вечной, безусловной, передающейся из поколения в поколение. О нелепой мечте, ставшей смыслом жизни. О страсти, объектом которой является вещь. О жажде жизни и Красоте, без которой жизнь теряет смысл. О Машке, однажды ушедшей из дома босиком по осеннему льду. История, ведущая из далёких восьмидесятых в ещё более далёкие тридцатые.

Содержание

В оформление обложки использованы	4
фотографии, сделанные автором книги.	
1	4
Дома и люди	4
Конец ознакомительного фрагмента.	14

В оформление обложки использованы фотографии, сделанные автором книги. Маркизет

1

Дома и люди

Приехали на проходящем дальнего следования. В такую рань шёл только он.

Сунули проводнику три рубля и всю дорогу тряслись в скрипучем прокуренном тамбуре, опасаясь одного – поезд не остановится, утащит их дальше. Такое уже бывало, и не раз. Как игра в рулетку: выпадет – не выпадет. Выпадет – в твоём распоряжении минута остановки на заросшем высокими травами полустанке. Не выпадет – кукуй себе дальше часа три, а потом обратно. Тут уж трёшкой не отделаешься.

Женщины говорили спокойно, вполголоса, но глаза выдавали их – то одна, то другая бросала взгляд в пропылённое окно. Мимо проносился овраг, вспыхивала серебром ре-

чушка, оставалась позади перекрытая шлагбаумом дорога... Узнавали. Радовались тому, что узнали. Волновались немного.

Дети весело болтали. При любом раскладе сегодняшний день обещал им приключения, а это было как раз то, что нужно.

Выпала удача. Правда, поезд протащил мимо платформы – туда, где в метре от последней ступеньки опасно разъезжался под ногами пыльный белёсый щебень. Слезать было страшно и трудно, всё-таки возраст давал о себе знать. Первыми спустили детей, потом, неловко корячась и цепляясь сумками и платьями – сами.

И окунулись в другой мир.

Сразу, конечно, этого никто не понял. Сначала железная махина за спинами заскрежетала, загудела и шумно умчалась прочь. И пришла тишина. А вместе с ней понимание чего-то чуткого, волшебного – до мурашек, до желания улыбнуться.

Они и улыбались. Все пятеро.

А потом неспешно выбрались на заросшую дорогу.

Путь был не близкий. Недаром встали чуть свет, недаром уламывали толстую проводницу. До жары нужно было осилить километров десять, а старыми-то ногами, да с малыми детьми...

Раннее утро висело лёгкой голубой дымкой, холодило ноги росой, играло зайчиками над головой. В высоких ветвях

перекликались птицы. Над пёстрой россыпью цветов медленно порхали маленькие бабочки.

Поначалу все молчали. Слишком чудным и говорящим было это утро, эта чистая земля, рождающая щедро и бестолково, этот пьяный травяной воздух, полный земляного холода и студёной воды.

Женщины ушли вперёд, а дети отстали. Их постоянно что-то привлекало – изумрудный жук в пыли дороги, гнездо муравьёв, странный сухой цветок с фиолетовыми иголками. Они болтали без умолку, хохотали над каждой мелочью, ощущали себя внезапно свободными, вольными и сильными, без слов понимая – сейчас бабушкам до них дела нет.

А женщины поначалу шли степенно, переговаривались тихо, будто стыдливо, но с каждым шагом смелели и приободрялись. И хотя каждая из них и не подумала бы одевать свои чувства в слова, но ощущала кожей и волнительным холодком в животе – кто-то большой, добрый, незримый мягко и тепло дышит им в макушки и радуется тому, что они здесь.

Ведь вот оно. Тут и воздух слаще и трава зеленей, и всё такое же, как тогда, но... другое. А может, стали другими они – редкие гости, давние беглецы, не забытые, но прощёные предательницы.

Старой заросшей дорогой шли три давние подруги, которых в незапамятные времена поманили огни городка-райцентра. Городок угостил их мороженым из белой тележки и

показал свои нехитрые сокровища – туфли в привокзальном магазине, танцы в парке и надежду на комнату в общежитии. О большем они не мечтали. Это ли не рай? Это ли не предел мечтаний мордастой, косолапой стеснительной девчонки? Подумать только: бабушкина кофта, старые великие сапоги, юбка в рубчик. Теперь-то смешно, конечно, а тогда...

А теперь привезли сюда внуков. Зининой внучке исполнилось восемь. Веринному внуку – девять. Настя внуков не взяла, те были далеко.

Девочка была мелкой и тонконогой, с тёмными волосами, стриженными в кружок, румяными щёчками и блестящими цыганскими глазами. Мальчик был плотным и сильным. Его белёсая голова походила на тыковку, а большие серые глаза смотрели озорно и доверчиво.

Они подружились сразу же, как только у окошка вокзальной кассы бабушки подтащили их друг к другу.

Деревья закончились, а вместе с ними – сырая прохлада. Дорога натянулась между полей. По правую руку – поле шепчущее, сухое и жёлтое, по левую – ароматное, зелёное с сиреневым. Над головой – бездонное голубое небо. Впереди, у самого горизонта – огромные кучевые облака, белоснежные, невероятные – чертоги тех, что строго и снисходительно наблюдает сверху и бросает на землю то дождь, то снег.

Думали – путь далёк. Думали – устанут. Но дорога вела их легко и свободно, будто тянула за ноги – домой, домой...

И пусть самого дома здесь ни у кого давно не было, но были эта земля и это небо. А ещё были те, кто помнил о них. К ним стремились душой. Их вспоминали холодными зимними вечерами.

К ним и шли.

Деревня была маленькой. Некоторые дома стояли заколоченными, некоторые бессильно осели и покосились. Женщины примолкли, постояли, повздыхали, а потом медленно пошли по единственной улице, уходящей в луга.

– А тут Аниська жила. Аниську помнишь?

– А как же. Бурьяну-то! Всё заросло. Умерла, видать.

– А тут кто? Фотеевы?

– Они. Так они давно уж съехали. Конечно, чего им тут, они и не старые ещё.

– А это Лизин.

У Лизиного дома стояли долго. Дом смотрел на них пустыми глазницами окон, словно припоминал. Его развороченное нутро не было защищено ни от дождя, ни от ветра, ни от времени. Когда-то на теперь тёмных завалившихся полатах спала розовая круглая Лиза, пахнувшая всегда огуречным мылом. А в том углу стояло её высокое зеркало – самое дорогое зеркало во всей деревне. А сейчас Лизы не было. Она так и не стала старой.

– Пошли к Кате.

– Пошли.

К Кате стучали долго. Наконец она вышла – руки в глине, фартук замызган. Застыла в воротах, сощурилась на солнце и заплакала. Так и стояла, подвывая, а старые подруги хлопывали её по плечам и гладили по белому застиранному платку.

В доме мало что изменилось. Та же кровать с шишечками, те же вышитые наволочки, тот же стол посреди горницы. Гости развернули пироги, достали конфеты. В сумках остались гостинцы. Катя – только первая остановка, не всё ей. Хозяйка поставила чай, принесла из погреба квас, выставила свежие огурцы и вчерашние лепёшки.

Дети перекусили и скоро заскучили. Бабкины разговоры не прельщали их.

– Мы гулять, бабуль!

– Да идите уже! Смотрите, не хулиганьте.

Сначала щипали малину у забора, потом поймали ящерицу, потом влезли в пустой дом. Всё обшарили и спустились в пыльный подпол. Девочка нашла витую ложечку, две катушки с нитками и большую стеклянную бусину. Поискали другие бусины, заглянули в сухую кадучку, но больше ничего не нашли. Зато мальчик полез на чердак и обнаружил гнездо. Он позвал девочку и помог ей забраться по скобам в стене. В гнезде лежало два больших серых яйца. Дети, замирая, потянули к ним руки.

– Уху! Ухуху!

Большая серая тень метнулась от стены. В полутьме горели жёлтым огромные злые глаза. Девочка завизжала. Большая сова медленно шла по полу, встопорщивая на ходу густое оперение.

– Тика́ем!

Они не помнили, как спустились с чердака, как бросились бежать, как выскочили из трухлявых ворот и забились в заросли лопуха. А потом начали смеяться.

– А как ты заорала-то!

– Да ты бы на себя поглядел!

– А она такая – уху!

– Вот страшилище!

Солнце поднялось выше, стало заметно припекать, белое облако-чертог потеряло волшебные формы, прижалось к земле, заметно потемнело. Женщины долго стояли у ворот, прощались. Катя опять плакала. Дети смотрели на неё и жалели. Катю им было жаль просто оттого, что она плачет. Они ничего не могли знать о засыпанной снегом мёртвой деревне, об унылом осеннем бездорожье, о дороговизне дров и волчьей тоске по далёким детям.

В поле журчали голоса жаворонков. Эти птицы имеют одну особенность – они встречают путников и, низко кружа над их головами, поют тихую и добрую песенку, ненавязчивую как тёплый дождь по стеклу, как сверчок за печкой. Дети поспорили, над кем из них жаворонки сделают больше кругов,

но быстро сбились со счёта. Солнце припекало их, припекало их бабушек. Дорога мягко изгибалась среди полей.

Следующая деревня была крепче, живее. По дороге протарахтел трактор, за ним проехал мотоцикл с коляской. Все закашлялись в облаке мелкой горячей пыли и отправились мыть лица и руки на колонку. Ледяная вода обжигала и бодрила, от неё ломило зубы.

– Тут Нина с Олей жили, – сказала Настя.

– А сейчас кто?

– Олин сын.

– А вон там Даниловы.

– А Данилов-то за тобой бегал! Ох, и хлюст был.

– Добегался, отсидел уж раза три, – Вера устало поправила платок. – Пошли что ли к Носовым?

– Пошли.

У дома сидели двое – толстая краснолицая бабка и тощий мужичок с перевязанным глазом.

– Здравствуйте.

– Здорово... – Толстая бабка прищурилась. – А ктой-то? Не узнаю.

– Вера я. А это Зина с Настей.

– А?

– Ве-ра!

Бабка всё так же присматривалась, лицо её расплывалось

в глупой улыбке. Мужичок ткнул её под бок.

– Да Верка это! Эх! Ничё не понимает. Копна копной. Айда в дом, девки.

В доме было сумрачно, пахло неприятно. Женщины засушили, вынули из сумок свои пироги и конфеты. Тощий мужичок выставил на стол горшок с тёплой картошкой и жареную рыбу, вытащил из-под кровати мутную бутылку, протёр, открыл.

– Давайте, девки, не ерепеньтесь.

– Так чего Даша-то? Зови.

– Да ну её! Вылезла, так пусть хоть до темна сидит, рожу греет. Всё равно как капуста.

– Давно ли такая?

– Да уж второй год! Давай, девки, за прекрасных дам!

Дети заскучали и, уже не спрашивая разрешения, вышли в заросший птичьей травкой двор. Посреди двора грелись куры, чёрная кошка вылизывалась на скамейке, в бочке с водой плавала тина. Дети с трудом отворили тяжёлые ворота и медленно двинулись по безлюдной улице мимо домов, заборов и бань.

В небольшом магазинчике было всё, что душе угодно – вёдра, лейки, хрустящий ситец, карамель, хлеб, масляная краска. Были даже сухие как палка песочные пирожные. В траве возле магазина копошились три толстых одинаковых щенка. Их равнодушная тощая мать лежала рядом в пыли

и грела на солнце вытянутые красные соски. Мальчик и девочка долго играли со щенками, совали их матери и радовались, когда щенок вытягивал мордочку и начинал сладко посасывать собачье молоко. Им захотелось накормить собаку, но когда они вернулись к дому Носовых за куском хлеба, заметно повеселевшие гости уже прощались с хозяином. Красная бабка всё так же блаженно подставляла лицо палящим лучам. На лице её растянулась улыбка – глупая и счастливая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.